

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ (1945—1950 гг.)

Дмитрий Александрович КУЗНЕЦОВ, старший преподаватель Юридического института Сахалинского государственного университета

В 1945 г. на Южном Сахалине после боевых действий необходимо было налаживать нормальные условия жизни. К началу установления советской администрации хозяйство здесь было дезорганизовано и частично разрушено.

Население многих сёл и городов, напуганное военными действиями, бежало в портовые города юга Сахалина Отомари (Корсаков) и Маока (Холмск), стремясь выехать в Японию. На юге острова скопилось почти 70 тыс. беженцев¹. Огромные массы людей, оставшиеся без медицинского обслуживания и продовольственного обеспечения, представляли собой малоуправляемую, взрывоопасную людскую массу, многие скрывались в лесах. Бежавшее население, отступающие японские войска, а частично и наступающие советские войска, уничтожали линии связи, транспорт, скот, разрушали предприятия. Японцы, пытаясь скрыть ценное оборудование, материалы, продовольствие, растаскивали всё, закапывали в землю, прятали в лесах. В результате поджогов было уничтожено большое количество жилых и производственных строений.

Советским войскам недостаточно было разъяснено, что они вступили на нашу территорию, и это привело к ряду бессмысленных разрушений предприятий, учреждений, культовых строений, хищению оборудования, материалов и имущества организаций, а также населения. Положение усугублялось тем, что советская военная администрация не смогла сразу пресечь грабежи, мародёрство и др.²

27 августа 1945 г. создаётся военная комендатура Тойохарского округа во главе с генерал-лейтенантом Михаилом Васильевичем Алимовым. Под его началом в городах и районах были организованы военные комендатуры со штатом 271 чел. и охраной 195 чел. во главе с военными комендантами³. Создание постов по охране важных объектов позволило предотвратить многие диверсии, поджоги, хищения с промышленных предприятий, а также объектов торговли, культуры и быта, у частных лиц изымались оружие, радиоаппаратура и автотранспорт. Все радиоприёмники были под особым контролем.

Несмотря на старания военных властей, до прибытия 19 сентября 1945 г. на Южный Сахалин заместителя председателя СНК СССР А. И. Микояна и командующего 2-м Дальневосточным фронтом генерала армии М. А. Пуркаева для организации работы гражданского управления здесь фактически царила анархия. В городах оказались большие запасы сакэ (до 202 457 декалитров), и это привело к разгулу, пьянству и своеволию во многих воинских частях. Денежного обращения и торговли не существовало, и продовольствие, материалы, товары, коммунально-бытовое обслуживание — всё предоставлялось бесплатно не только для советских войск, но и для японского населения, которое воспользовалось этим и растащило много товаров, материалов, продовольствия из складов и магазинов⁴.

В период перехода от военных действий к мирной жизни на образованное в сентябре 1945 г. при Военном совете 2-го Дальневосточного фронта Южно-Сахалинское областное управление по гражданским делам помимо функций административно-хозяйственного руководства возложили обязанность по обеспечению общественного порядка южной части Сахалина. В октябре 1945 г. командующий войсками 2-го Дальневосточного фронта М. А. Пуркаев издал приказ, по которому на всей территории Южного Сахалина и Курильских островов устанавливалось движение пешеходов, автомобильного и гужевого транспорта с 5.00 до 20.00 часов хабаровского времени. Работа зрелищных предприятий, столовых, ресторанов, бань, промышленных предприятий, учреждений была приурочена к указанному времени. Появление военнослужащих и лиц гражданского населения на улицах в другое время разрешалось только по пропускам. Свободное передвижение населения запрещалось, в экстренных случаях разрешалось после тщательной проверки военными комендатурами⁵.

Возникла насущная необходимость в организации на Южном Сахалине советских правоохранительных органов. Отсутствие милиции, паспортных столов и ЗАГСов не давало возможности учесть население, проследить его движение и оформлять акты гражданского состояния. Отсутствие гражданской прокуратуры и советского суда затрудняло введение советских законов и не давало возможности изучить имеющиеся органы японского суда и прокуратуры. В связи с этим на совещании у председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгина было принято решение обязать Прокуратуру, Народный комиссариат юстиции и Народный комиссариат внутренних дел СССР ускорить создание органов суда, прокуратуры и милиции.

В августе — сентябре 1945 г. многие сотрудники милиции из Александровск-Сахалинского, Охинского, Рыбновского районов Северного Сахалина были направлены на южную часть острова, где они наряду с пограничниками приняли самое деятельное участие в укреплении правопорядка. Но тем не менее людских ресурсов не хватало. Особенно остро ощущался недостаток в квалифицированных милицейских кадрах. Первые милицейские подразделения на Южном Сахалине в основном комплектовались за счёт демобилизованных военнослужащих. Практически весь личный состав расформированной автоматной роты 2-й Краснознамённой армии 2-го Дальневосточного фронта был передан в подчинение органов НКВД

для дальнейшей организации милицейской службы на юге Сахалина. Силами бойцов были сформированы первые штаты участковых уполномоченных районных отделов милиции; в каждый район назначались в среднем по 12 человек. На них возлагались задачи поддержания авторитета советской власти среди местного населения, охране общественного порядка, установлению контактов с японским населением для последующей его переписи. Так, к примеру, на одного участкового в Томаринском районе приходилось до 2 тыс. чел. местного населения. В ноябре 1945 г. из Амурской области на Южный Сахалин прибыла команда военнослужащих (473 чел.) для дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел⁶.

В ноябре 1945 г. в г. Сикука (Поронайск) был образован первый на Южном Сахалине отдел МВД, его начальником назначили Владимира Степановича Погожинского. Штат отдела состоял из 8 оперуполномоченных и 5 сержантов, выделенных штабом Дальневосточного округа по приказу генерала армии М.А. Пуркаева⁷.

В начале 1946 г. в г. Тойохара было создано Южно-Сахалинское управление МВД СССР, которое возглавил полковник А. Узликов. 21 мая 1946 г. приказом начальника Управления МВД по Южно-Сахалинской области № 301 был образован Эсуторский (Углегорский) городской отдел УМВД, в 1946—1947 гг. его начальником стал капитан милиции Павел Сергеевич Бычков. В эти годы городские отделы УМВД были созданы в Томари, Макарове, Холмске, Долинске, Аниве, Невельске, Корсакове⁸. В составе каждого городского отдела имелись отделения уголовного розыска, по борьбе с хищениями социалистической собственности, по борьбе с бандитизмом, старшие инспекторы ГАИ и Госпожарнадзора.

Необходимо отметить, что свою работу милиция Южного Сахалина вела в исключительно трудных условиях. Демобилизованные воины, пришедшие на службу, не имели специальной подготовки, им приходилось нести службу и одновременно учиться милицейскому делу. В создаваемых отделах милиции ощущался недостаток необходимой оперативной техники, транспорта. Основными транспортными средствами были лошади, велосипеды, реже автомобили. Но чаще всего сотрудники милиции передвигались пешком. Бытовые условия несения службы также не были лёгкими. Питались милиционеры по красноармейской норме, обмундирование оставалось армейским.

Для организации регулирования уличного и дорожного движения в населённых пунктах юга Сахалина из 30 бойцов накануне расформированного в Приморье 403-го линейного батальона связи 18 декабря 1945 г. в г. Тойохара (Южно-Сахалинск) сформировали взвод регулировщиков (Отдел регулирования уличного движения — ОРУД), который приступил к своей работе в начале 1946 г. Регулировка перекрёстков осуществлялась вручную, смена регулировщиков длилась по восемь часов без перерыва. Большую проблему в то беспокойное время представляли водители, задерживаемые за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения.

К апрелю 1946 г. на Южно-Сахалинской железной дороге (ЮСЖД) были созданы Транспортный отдел Министерства государственной безопасности СССР (начальник — подполковник А. Воробин), Дорожный отдел

милиции МГБ (начальник — подполковник милиции Мартынов) и линейные отделения милиции (287 чел.)⁹.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 27 июня 1947 г. на местах были созданы управления охраны МГБ на железных дорогах. Они совмещали функции государственной и общественной безопасности, вели борьбу с уголовной преступностью. На базе упразднённого Транспортного отдела МГБ Южно-Сахалинской железной дороги и водного бассейна было образовано Управление охраны Министерства государственной безопасности на Южно-Сахалинской железной дороге и в Сахалинском морском пароходстве. В это же время в составе управления образован 40-й Отдельный дивизион охраны МГБ. Вся оперативно-служебная деятельность его была направлена на борьбу с воровством, хищениями социалистической собственности и нарушителями установленных правил и распоряжков на транспорте. В 1946—1948 гг. личный состав Дорожного отдела и линейных отделений милиции, выполняя приказы и директивные указания МГБ, провёл большую работу по поддержанию общественного порядка при отправке японского населения и обеспечении сохранности их имущества.

В 1947 г. руководство Дорожного отдела организовало 5 одновременных проверок пассажирских и товарных поездов по всей линии ЮСЖД. В результате задержали 368 чел., из которых было привлечено к уголовной ответственности 85 чел. (уголовно-преступный элемент и дезертиры на транспорте)¹⁰.

В послевоенные годы усилилась борьба милиции с преступлениями против личности, поскольку наблюдался заметный рост опасных преступлений во многих регионах, в том числе и на Южном Сахалине. Преступники нередко были вооружены холодным и огнестрельным оружием, в том числе гранатами, карабинами, автоматами, что требовало высокого оперативно-служебного мастерства и мужества при их задержании.

В 1945—1946 гг. на территории Южного Сахалина действовали многочисленные вооружённые банды. В момент их ликвидации изымалось огромное количество оружия, а также ликвидированы диверсионно-террористические и шпионские группы. Велась работа по выявлению бывших солдат, офицеров японской армии и полицейских, проживавших на нелегальном положении, скрывавшихся в тайге. Благодаря умелой и правильной постановке оперативной работы милиционерам совместно с сотрудниками госбезопасности удалось провести ряд успешных оперативно-поисковых мероприятий и обнаружить склады с оружием и боеприпасами, военно-технические базы, созданные японцами после капитуляции. Весной 1946 г. в 50 км от пос. Котон (Победино) и на территории Томаринского района с помощью местных жителей из числа корейского населения были обнаружены замаскированные в лесу японские склады и тайники с большим количеством стрелкового оружия, боеприпасов и обмундирования.

Исходя из сложившейся обстановки, органы милиции и госбезопасности применяли соответствующие методы оперативно-боевой деятельности. От крупных операций по прочёсыванию лесов переходили к отдельным,

хорошо подготовленным, которые проводились, как правило, мелкими подразделениями. Особое внимание уделялось активному ночному поиску, выставлению засад и секретов на путях возможного передвижения банд. В 1946 г. было ликвидировано 13 вооружённых банд (60 чел.), состоявших из бывших японских военнослужащих и членов военизированных формирований (отрядов «Боётай»), представлявших собой серьёзную опасность. Из них к высшей мере наказания приговорены четверо, остальные к тюремному заключению на срок от 25 до 6 лет. Кроме того, было вскрыто и ликвидировано 18 грабительских вооружённых групп (72 чел.), из которых 43 — военнослужащие. Все они были арестованы, осуждены и приговорены: к высшей мере наказания — 6 чел., остальные к тюремному заключению на срок от 10 до 5 лет.

О конкретных результатах оперативной работы органов милиции и госбезопасности убедительно говорят такие цифры. К началу 1947 г. чекистами и сотрудниками милиции изъято 556 винтовок, 21 пулемёт, 6 миномётов, 5 пушек, 2 гранатомёта, 32 пистолета, а также большое количество холодного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

Кроме ликвидации банд и грабительских групп совместными действиями милиции и сотрудников госбезопасности на Южном Сахалине была ликвидирована японская диверсионная группа из 10 резервистов во главе с бывшим заместителем начальника штаба японских вооружённых сил на Карафуто, подполковником Чикуси Фудзиро. Этот отряд под командованием капитана Китаяма поджёг центральную часть г. Сикука (Поронайск), в результате большая часть города уничтожена огнём, а убытки исчислялись суммой в 6 млн. 699 тыс. руб. По данному делу были арестованы, осуждены и приговорены: Китаяма — к высшей мере наказания, остальные к тюремному заключению на срок от 25 до 15 лет.

За диверсию арестовали японца Ямаду, который после проведения национализации в г. Чиннай Углегорского / Эсоторского района, поджёг склад с рисом, гостиницу и склад Сахалинлесдрева. Ямада был арестован, осуждён и приговорён военным трибуналом к высшей мере наказания. В ноябре 1946 г. в пос. Тирикоро (Нерпичье, Поронайский район) выявили и арестовали отряд японцев из 10 чел. во главе с бывшим полицейским Кикучи. Накануне задержания эта террористическая группа расстреляла трёх корейских жителей посёлка за их лояльное отношение к советской власти. При задержании у членов этого отряда было изъято 86 боевых винтовок и 7050 патронов. По данному делу военный трибунал приговорил главарей Кикучи и Томияму к высшей мере наказания, остальных — к тюремному заключению на разные сроки от 10 до 5 лет¹¹.

Сложная обстановка потребовала принятия дополнительных и неотложных мер против посягательства на жизнь и здоровье людей, на общественную безопасность и имущество граждан. 4 июня 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была установлена более строгая уголовная ответственность за кражу личного имущества граждан и разбой. Важным показателем успешной совместной работы милиционеров и контрразведчиков на Южном Сахалине является то, что в 1946—1947 гг. практически не было допущено ни одной крупной диверсии на жизненно

важных объектах, таких как железная дорога, морские порты, системы связи и коммунального хозяйства.

Приказом Южно-Сахалинского областного управления по гражданским делам от 22 марта 1946 г. была организована усиленная сторожевая и военизированная охрана объектов государственного значения, к которым относились районные отделы НКВД, электростанции, банки, почтовые отделения. Формирование гражданских охранных команд предусматривалось за счёт русского населения и частично — корейского после тщательной проверки¹². К сожалению, в тяжёлых ситуациях деятельность этих структур не всегда оказывалась эффективной.

Одно из важнейших мероприятий, проведённых на Южном Сахалине органами МВД, — это учёт и паспортизация проживавшего (японского и корейского) населения. 2 февраля 1946 г. СНК СССР принял Постановление «О выдаче временных удостоверений и прописке японского населения на Южном Сахалине». В соответствии с этим решением была проведена документация всех проживавших на Южном Сахалине японцев и корейцев. В результате за март — апрель 1946 г. органами МВД Южно-Сахалинской области было учтено 279 404 чел. По национальному составу население распределилось следующим образом: 254 299 японцев, 24 774 корейцев, 79 китайцев, 152 айна. В первой половине мая 1946 г. все подготовительные мероприятия закончились, в органах МВД началась выдача временных удостоверений и прописка японского населения. На пунктах выдачи временных удостоверений в распоряжение начальника УМВД выделили квалифицированных переводчиков из редакции газеты «Новая жизнь», контрразведки «СМЕРШ», воинских частей и других подразделений. Во время этой работы каких-либо враждебных настроений, провокационных действий со стороны японского и корейского населения не было¹³.

На острове в этот период проводилась большая работа, связанная с приёмом советских переселенцев и репатриацией японского населения. Репатрируемым приходилось часто оставлять ценное имущество, наживавшееся годами. Прежде всего, это недвижимость, жильё и хозяйственные постройки, посевы, а также хозяйственный инвентарь, скот и т.п. В ходе репатриации японцев допускались многочисленные случаи злоупотребления со стороны лиц, ответственных за её организацию и проведение. Репатриационные комиссии в городах и районах области не обеспечивали должной транспортировки японских граждан к месту их отправки в г. Холмск¹⁴. Были зафиксированы многочисленные случаи ограбления репатриантов в дороге. В отношении отдельных японских граждан, увольняемых в связи с репатриацией с работы, допускались нарушения трудового законодательства. Отдельные должностные лица, отвечавшие за репатриацию, пытались использовать служебное положение для личного обогащения и наживы, занимались взяточничеством, вымогательством, самовольно заселяли квартиры и дома выезжавших японцев. Были факты, когда члены репатриационных комиссий на местах часть имущества, оставляемого японцами и подлежащего сдаче в торгующие организации, не включали в составляемые описи, а распределяли его между собой, рас-

таскивали. Такие преступные деяния, как правило, получали строгую государственную и партийную оценку¹⁵.

В период репатриации значительно увеличилось число поджогов жилых и производственных зданий и лесных массивов, участились факты вредительства, особенно в бумажной и угольной промышленности. Происходили крушения поездов, грузовых и пассажирских, повлёкших человеческие жертвы. Всё это заставило принимать оперативные меры по пресечению диверсионной деятельности японцев. О времени репатриации их стали извещать не раньше, чем за 24 часа до отправления в лагерные пункты. При этом все денежные расчёты производились без задержки. Одновременно был усилен паспортный режим. Лица, вызывающие подозрение, репатриировались незамедлительно. Охрана наиболее важных народнохозяйственных объектов стала осуществляться круглосуточно.

С июня 1946 г. на Сахалин в большом количестве по вербовке и переселению стало прибывать русское население. В потоке устремившихся переселенцев и вербованных на остров проникало немало «криминальных элементов», среди которых были и крупные по меркам преступного мира тех лет «авторитеты», которых органам милиции приходилось специально отслеживать. Так, в 1947 г. в Углегорск из Омска прибыл крупный вор по фамилии Кукурузин (1911 г. рождения), ориентировки на которого имели все районные и городские отделы милиции¹⁶. Прибывавшие на остров «криминальные элементы», как правило, концентрировались в портовых городах — Корсакове, Холмске, Невельске, где было легче затеряться и при случае легко попасть на судно, следовавшее на материк.

Среди негативных явлений, способствовавших росту преступности на Южном Сахалине до 1948 г., можно назвать бесхозность и безнадзорность со стороны руководителей ряда народнохозяйственных учреждений, низкую организацию труда рабочих на предприятиях угольной, лесной и рыбной промышленности.

Особую тревогу и опасения у правоохранительных органов вызывали военнослужащие дислоцированных на юге острова дисциплинарных и рабочих батальонов, личный состав которых был буквально перенасыщен преступным элементом. Солдаты самовольно оставляли расположения частей и зачастую будучи в состоянии алкогольного опьянения совершали преступления, отличавшиеся особой жестокостью. Ежемесячно десятки открытых вооружённых грабежей, краж имущества с предприятий торговли и быта, нанесения тяжких телесных повреждений гражданскому населению и убийства с целью завладения их личным имуществом отмечались в Холмском и Поронайском районах. Но во многом благодаря профессионализму и мужеству сотрудников уголовного розыска и участковых милиционеров большинство этих преступлений было раскрыто.

Пожалуй, самым распространённым видом преступления в первые послевоенные годы на юге Сахалина стало хищение государственной собственности. 4 июня 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР издал знаменитый Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который не только устанавливал более суровое наказание за посягательство на народное добро, но и значительно

повысил ответственность должностных лиц за сохранность социалистического имущества. Во исполнение Указа милиция существенно активизировала борьбу с такими хищениями. В 1948 г. в г. Холмске разоблачили преступную деятельность группы, состоявшей из пяти работников-механизаторов ОРСа треста «Холмскуголь» вместе с начальником Климентовым¹⁷. Продолжительное время преступные лица занимались хищением государственной собственности, распродала промышленные и продуктовые товары, предназначенные для работников шахт. Они подделывали документы, оформляли фиктивные ордера, а товары сбывали по спекулятивным ценам. Деятельность аналогичных преступных групп была пресечена в Холмском рыбокоопе и на базе Рыболовсоюза. Ущерб, нанесённый государству, составил 300 тыс. руб. Все преступные лица были привлечены к уголовной ответственности. Так, хищение государственной собственности организованной группой или в крупных размерах влекло лишение свободы на срок от 10 до 25 лет.

15 мая 1947 г. в г. Южно-Сахалинске было создано единое Сахалинское областное Управление Министерства внутренних дел (УМВД). Его начальником назначили командированного из Москвы 43-летнего генерал-лейтенанта Ивана Самсоновича Шередегу, который возглавлял УМВД Сахалинской области до 19 ноября 1949 г.¹⁸ Его организаторские способности, твёрдая воля, жёсткость, целеустремлённость и требовательность к своим подчинённым способствовали тому, что криминогенную обстановку в области в конце 1948 — начале 1949 г. удалось относительно стабилизировать.

15 сентября 1947 г. приказом начальника УМВД Сахалинской области генерал-лейтенанта И.С. Шередеги за № 35 были объявлены штаты городских и районных отделов милиции. 22 сентября 1947 г. он же издал приказ № 37 «О расстановке личного состава Управления МВД по Сахалинской области»¹⁹. При УМВД было создано управление уголовного розыска, первым руководителем которого стал Михаил Иванович Кондратюк. В штат входило 90 чел. В составе управления уголовного розыска работали отделы по борьбе с убийствами, кражами, мошенничеством, детской преступностью, а также группа служебного собаководства²⁰. Были определены первые штаты Управления государственной автомобильной инспекции (ГАИ УМВД) Сахалинской области. Его первым начальником назначили младшего лейтенанта милиции Александра Александровича Евстратова, в подчинении которого находилось всего 12 милиционеров. Основными направлениями работы областной ГАИ были технический осмотр, регистрация транспорта и подготовка водительских кадров.

В докладе о состоянии уголовной преступности в Сахалинской области, подготовленном начальником управления милиции УМГБ Сахалинской области полковником Наймушиным 12 мая 1950 г., отмечалось, что преступность в области стала снижаться: если в 1948 г. зарегистрировано 1188 уголовных преступлений, то в 1949 г. — 922. Таким образом, количество преступлений в 1949 г. по сравнению с 1948 г. уменьшилось на 22,4%²¹. В 1950 г. также наблюдалась тенденция к снижению уголовной преступности. В первом квартале 1950 г. в целях усиления борьбы с уголовно-пре-

ступным элементом, охраны общественного порядка и укрепления паспортно-пограничного режима в городах и рабочих посёлках области был проведён ряд профилактических мероприятий. Для их выполнения привлекались и пограничные войска, бригады содействия милиции, работники домовой администрации. Эти мероприятия также повлияли на снижение преступности: раскрываемость преступлений в первом квартале 1950 г. составила 93,8%²².

¹ Савельева Е.И. От войны к миру: (Гражданское управление на Южном Сахалине. 1945—1947 гг.) // Сахалин, Курилы: на рубеже веков: сб. ст. Южно-Сахалинск, 2002. С. 20.

² ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

³ ГАХК. Ф. П-35, Оп. 1. Д. 1854. Л. 30.

⁴ Савельева Е.И. Общественно-политическая жизнь на Южном Сахалине в послевоенный период (1945—1950 гг.) // Сахалин и Курилы в войнах XX века: материалы науч. конф. (7—10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск, 2005. С. 243.

⁵ ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 19—22.

⁶ Сахалинская милиция: история, даты, лица. Южно-Сахалинск, 2004. С. 27.

⁷ Генинг В.О. Поронайский ГОВД: Они делали историю // Губернские ведомости. 2002. 28 сент. С. 2.

⁸ Сахалинская милиция. С. 67.

⁹ СЦДНИ. Ф. П-4, Оп. 1. Д. 362. Л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 86. Л. 1—7.

¹² Там же. Ф. 171. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 6. Л. 45—53.

¹⁴ СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 306. Л. 23.

¹⁵ Подпечников В.Л. Репатриация // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С. 107—108.

¹⁶ Гапоненко К.Е. Час пик: Милиция и мы. Южно-Сахалинск, 2007. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 21.

¹⁸ Бужков А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923—2003. Владивосток, 2003. С. 195—196.

¹⁹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 331. Л. 22.

²⁰ Елисеев В. «Авторитеты не в цене»: 5 октября уголовному розыску России исполняется 90 лет // Губернские ведомости. 2008. 2 окт. С. 8.

²¹ СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 664. Л. 281.

²² Там же. Л. 282.

SUMMARY: The article is devoted to the history of organization of maintaining order and fighting against crimes in the Southern Sakhalin in 1945—1950. It describes how in the complex conditions of changing from war activity to the peaceful life was establishing the Soviet bodies of administration, State Security bodies and militia in the south of Sakhalin.

It was taken into account the particulars characterizing that historical period connected with the given activity of the legal bodies. The main place in this article is given to the role of the Soviet Army and its departments in the organization of protecting and maintaining order in the settlements and in transport. On the basis of records it was restored and shown the criminal situation in the Southern Sakhalin during the post-war years.